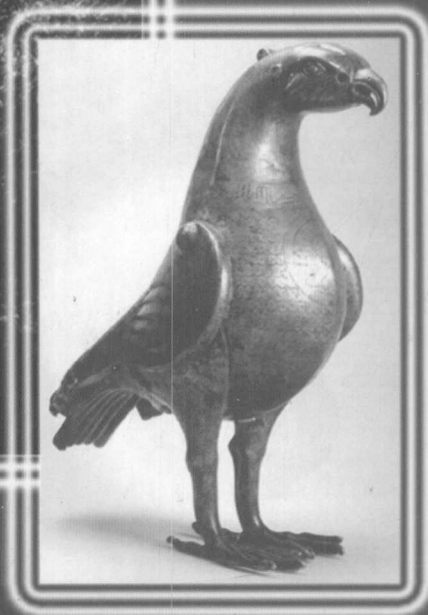
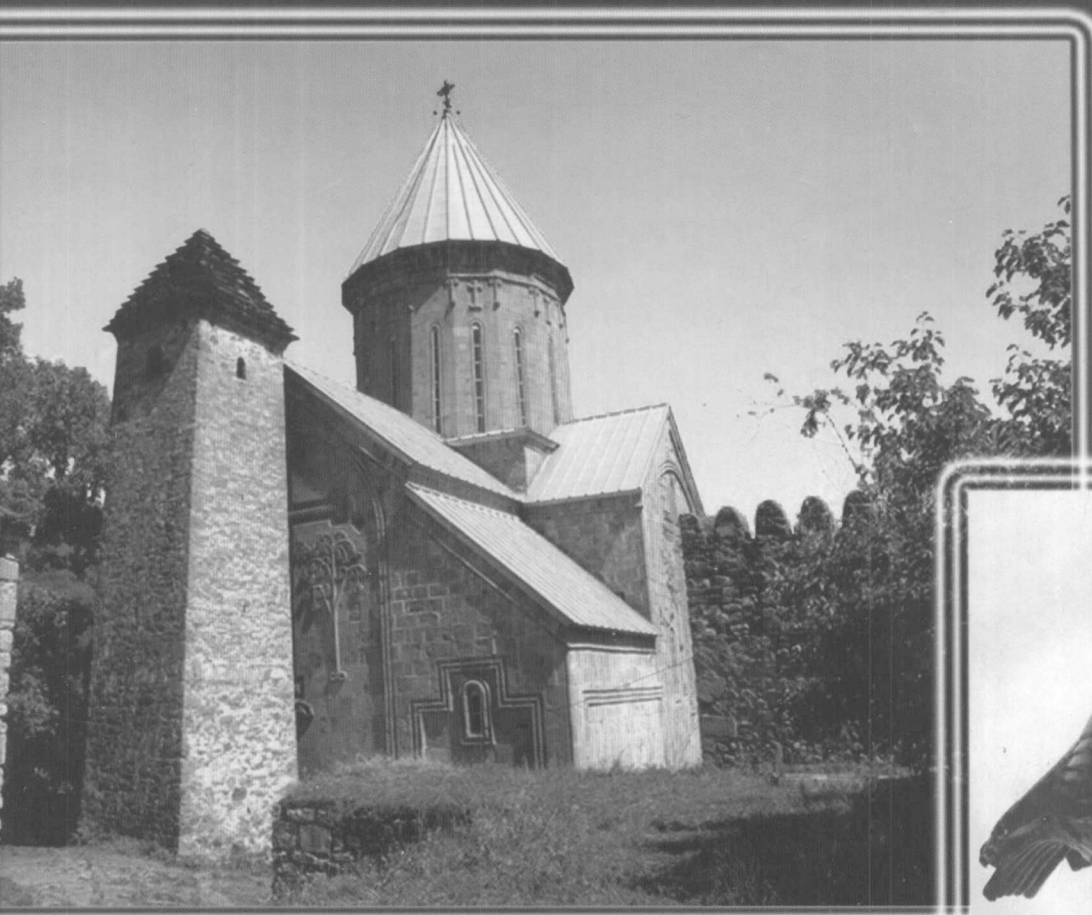

ГКУ «АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
ИМ. Е.И. КРУПНОВА»

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ВЫПУСК IV

Назрань
2012

Хайров Б.А.

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ШУМЕРСКОГО ТЕРМИНА «ЭДУББА» (ДОМ ГЛИНЯНЫХ ТАБЛИЧЕК)

История школьного образования в Шумере очень древняя, как и история самой этой страны. Школьные тексты появились одновременно с древнейшими письменными памятниками. Шумерская школа называлась «эдубба», что означало «дом табличек» (по другой версии – «дом глиняной таблички»), возглавлял ее «отец дома табличек», учитель же именовался *ум-миа* (знающий человек, учитель). Первоначально, цели обучения были чисто практическими – школа готовила писцов, землемеров и т.д. По мере развития школы обучение становилось все более универсальным, и в конце III – начале II тысячелетия до н. э. э-дуба становится чем-то вроде «академического центра» того времени – в ней преподают все отрасли знаний, тогда существовавшие: математику, грамматику, пение, музыку, право, – изучают перечни правовых, медицинских, ботанических, географических и фармакологических терминов, списки литературных сочинений и т. д.

Шумерское название школы э-дубба (э-дуба, эдубба) состоит из двух компонентов: 1) *é* «дом, дворец храм»; 2) -дубба, (-дуб) от *dub*: сущ. глина, табличка (глиняная, для записи); документ. Это общепринятое чтение данного термина. Имеется и другое, несколько отличное от этого, чтение – *durri, turri* (шум.), *мн. ч. durrâni, turrâti*. Разночтения, вероятно, связаны с различными периодами в истории развития языка (архаический – 3000-2750 г.г.; старошумерский – 2750-2315 г.г.; переходной 2315-2200 г.г.; новошумерский – 2136-2104 г.г. до н.э. Периодизация дается по И.Т. Каневой) или с диалектными различиями в нем. Так же допустимо, что различие связано с аккадским заимствованием из шумерского.

Оба компонента шумерского э-дубба имеют достаточно убедительные лексические и семантические соответствия в ингушском языке. С первым компонентом позволительно сравнивать устаревшее слово *le*, в значении «обитель, жилище», отсюда *le(л)* – «загробный мир» (в значении вечной обители ушедших в мир иной); *le (la, lийнад)*, глаг. – «остаться»; *leche* (*le*- «обитель» + *-che* «нутро») сущ. я (только в ед. ч.), -но, -нца помещение [ср. урарт. *aia* «находиться», *aie* «местонахождение», «резиденция» (Меликишвили Г.А. Урартские клинообразные надписи (указатель) // ВДИ, №1(47), 1954. С. 195); в урартском мы также предполагаем наличие фарингальной фонемы [I] в начале слова].

Значение этого слово довольно наглядно в традиционных словах прощального пожелания «*la (le) дика хийла!*» (дослов. «обитель доброй, благополучной будет»). Различие в одной фонеме в шумерском и ингушском в правописании данного компонента обусловлено, вероятно, отсутствием в индоевропейских языках такой фонемы [I], как фарингальная фонема [I] в ингушском (араб. «'айн»). Соответственно в алфавите народов этой языковой семьи нет буквы для обозначения этой фонемы и отсюда, по всей видимости, проистекают некоторые неточности при транскрипции шумерских текстов.

В родственном урартском мы также находим термин *Ē* в значении «дом». При этом, по сведению исследователя урартских текстов Меликишвили Г. А., урартское слово «дом» оканчивалось на [-e], так как идеограмма *Ē* в надписях встречается с фонетическим дополнением [-e] (*Ē-e, Ē-a*) (Указ. соч. С. 184), что подтверждает верность сделанных нами предположений о наличии в этом термине дополнительной фонемы [I] (арабск. 'айн), который, как было сказано, не отображается графикой индоевропейских языков.

Исходя из вышеизложенного, мы считаем правильным шум. [e] дополнить арабским «'айн» и таким образом восстановить истинную, дошумерскую фонетику и лексику данного термина.

Второй компонент, исследуемого нами термина – *дубба*, соответствует *dub* (*duppi, turppi*) *суш.* глина, табличка (глиняная, для записи); документ. Отсюда *dub-sar* «писец» (табличка + писать); *gi-dub-ba* «стиль» (букв. «тростник таблички»).

Данный компонент позволительно сравнивать с такой лексемой в ингушском и чеченском языках, как *тонпар* (инг.), *суш. б* (только в ед. ч.), -о, -ца – 1) порода глины, годная для изготовления керамических изделий (в противоположность *лоабат* – породе вязкой, жирной глине); 2) раствор глины.

- *понпар* (чеч.), *суш. б*; *мн.ч. понпарш* – раствор глины (для кирпича-сырца или штука-турки). Суффиксальный компонент [-р] в обоих языках, вероятно, является образованием вторичным.

Предположительно ингушское *тонпар*, чеченское *понпар* тождественно шумерскому *dub* (*duppi, turppi*). При этом шумерские согласные [d], [t] в ингушском и чеченском переходят в [т] и [п] соответственно.

Засвидетельствовано наличие этого термина в хурритском, родственном нахским, языке. И.М. Дьяконов относит его к заимствованиям из шумерского через аккадский: шум. *dub* > акк. *turpim* > хурр. *turpi* «документ» (Дьяконов И.М.: Хурритский и урартский языки // Языки Древней Передней Азии. Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы. М.: 1967, с. 134). В этой связи для нас немаловажен исторический факт наличия в III тысячелетии до н.э. хурритской клинописи (урартская клинопись IX-VI в.в. до н.э. была, по мнению И.М. Дьяконова, потомком хурритской). Разумеется, столь долговременная письменная традиция должна предполагать наличие обширной терминологии письменности в этом языке.

Исконность и глубокая древность нахского *toppa-r//porra-r* доказывается и наличием этого корня в енисейских языках: праенисейское *tuʔw-* «глина» > кетское *tuʔ*, аринское *tuburuh, tuburiu* (Старостин С.А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Старостин С. А. Труды по языкознанию. М.: 2007. С. 150).

Согласно Старостину С.А., «енисейские и северокавказские языки обнаруживают довольно большое количество общих корней с базисной семантикой», что, по мнению автора, свидетельствует «о генетическом родстве этих языковых семей» (Указ. соч. С. 246). В свете выдвинутой Старостиным С.А. синотибетокавказской языковой макросемьи, названные нами енисейские языки являются связывающим звеном между синотибетскими и кавказскими языками. Расхождение трех подгрупп «синокавказской» семьи (прасевернокавказской, прасинотибетской и праенисейской) Старостин С.А. склонен датировать приблизительно IX-VIII тыс. до н.э. (Старостин С.А. Гипотеза о генетических связях сино-тибетских языков с енисейскими и северокавказскими языками // Старостин С.А. Труды по языкознанию. М.: 2007. С. 282). Следовательно, именно эта дата является нижней планкой периода, когда мы в состоянии уточнить существование исследуемого нами термина в праенисейском и прасевернокавказском.

Исходя из всего сказанного, мы можем сделать вывод, что исходная форма нахского *1e-тонпа-р, 1e-понпа-р* «дослов. обитель-глина» соответствует шумерскому *э-дубба* «дом таблички (глины)». Учитель у шумеров именовался *уммиа* («знающий человек, учитель»). Убедительное соответствие этого термина в ингушском языке отсутствует. Сам термин редко встречается в приводимых шумерских текстах и их переводах, к тому же нам известно только вышеизложенное его значение, без всякого толкования. Но поскольку нам известен его смысл, постараемся построить сравнения и обосновать свои предположения именно по этому признаку, используя лексику ингушского языка из той же области языка, что и исследуемое нами слово. Приведем ряд однокоренных слов ингушского языка с корнеосновой *1ам*, соответствующих шумерскому *уммиа* по смыслу и довольно близкое по лексике.

1ам-и суш. уст. в, я (б), -еш, -е, -еца ученик, ученица.

1ам-а-р¹ суш. д (только в ед. ч.), -о, -ца учеба, учение.

1ам-а-р² масд. привычка, свойство, усвоение, усваивание.

1ам-а (1ам, 1емар, 1емад, 1амаргда) *глагол*. научиться, учиться, усвоить, привыкнуть.

1ом-а-дала (1омалу, 1омаделар, 1омаденнад, 1омалургда) *глагол*. научиться.

1ом-а-далар масд. освоение, обучение;

1ом-а-дар масд. изучение, обучение, дрессировка, освоение, учение.

1ом-а-де (*ве, бе, е*) (1омаду, 1омадир, 1омадаьд, 1омадергда) *глагол*. обучить, научить, дрессировать, усвоить, изучить, учить.

Чеч. *1ам-о*, 1) научить, учить; обучить, обучать; 2) изучить, изучать.

Мы находим, что шум. *умми-* («знающий») соответствует словоформам ингушского *1ам-*, *1ом-*, с вышеприведенными значениями. В шумерском *уммиа* последний слог «-а» соответствует значению «человек». Действительно, шумерское «а» имеет несколько значений: «отец», «сын» (первенец, наследник имущества), «семья», «человек?» (в соответствии с переводом), «вода».

В ингушском языке имеются термины родства, где классный показатель вычленяется в морфологической структуре существительного, например: *в-о1* «сын», *й-о1* «дочь» (где *ва-*, *йа-* — окаменевшие классные показатели в устаревшем правописании) (Ю.Д. Дешериев, Т.И. Дешериева: Ингушский язык// Языки мира. Кавказские языки. М.: Akademia, 2001).

Выходит, что остающаяся фарингальная фонема *[-I]* в этих терминах вне зависимости от классной категории, должна иметь единое для обоих терминов смысловое значение «человек» (мужского или женского рода), «потомок», «ребенок, дитя?». Отсюда, кажется, возможно установление архетипов этих терминов: *в(а) 1а* «есть человек, потомок (мужского рода)»; *й(а) 1а* «есть человек, потомок (женского рода)». Фонема *[а]* имеет тенденцию перехода в *о*; конечная гласная в литературном языке в настоящее время утеряна и таким способом мы имеем современную форму этих терминов: *во1*, *йо1*.

Следовательно, мы имеем возможность предполагать тождество шум. *умми* «знающий» = инг. *1о(а)ми* «обучение, научение»; шум. «а» «человек» = инг. *арх. 1а* «человек».

Далее, опираясь на это предположение, мы получаем возможность выстроить словосочетание ингушского языка подобное *1о(а)ми-1а* («обучающий человек»). В конечном итоге через него вполне убедительно можем восстановить истинную лексику шумерского термина *уммиа* в форме выстроенного нами словосочетания ингушского *1о(а)ми-1а*.

Что же касается этнической принадлежности исследуемых нами терминов *э-дубба* и *уммиа*, то они, несомненно, восходят к так называемому дошумерскому языковому пласту. Это язык народа-аборигена Южной Месопотамии, который в науке получил название прототигридского (иначе язык Х, банановый язык и т.д.). Касаясь данной проблемы известный шумеролог, профессор Чикагского университета Лео Оппенхейм пишет: «...что [месопотамские письменные] источники фактически отражают достижения дописьменного периода. Значительная часть шумерского словаря, относящаяся к материальной культуре Месопотамии, содержит термины и обозначения, по-видимому, не принадлежащие ни к шумерскому, ни к какому-либо из раннесемитских (протоаккадских) языков. Эти слова, возможно, представляют собой следы одного или нескольких более древних языковых субстратов и принадлежат ранним носителям цивилизации, которую мы условимся называть цивилизацией долины Евфрата. К тому же древнему языку (или к нескольким таким языкам) относятся географические названия местностей вдоль обеих рек и многие имена богов, обычно причисляемых к шумерскому пантеону».

Следы древнейших языков могут дать реальную возможность проникнуть в тайну взаимоотношений Месопотамии с Востоком, Севером и Западом в периоды, предшествовавшие тем, к которым относятся самые ранние шумерские тексты. Разумеется, подобные исследования чрезвычайно сложны и могут оказаться безрезультатными... Все же стоит рискнуть и пойти по этому пути, используя в качестве источников информации дошумерские термины, относящиеся к социальной и экономической сфере, или названия камней, растений и животных. Говоря об этом направлении в исследованиях, мы стремимся обратить внимание чита-

теля на то, что цивилизация, возникшая в Месопотамии, не была изолированным явлением; ее нельзя отделять от мира, в который она, так сказать, выросла» (Оппенгейм А. Лео: Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. Изд. 2-е, испр. и доп. Пер. с англ. М. Н. Ботвинника. Послесл. М. А. Дандамаева. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990, с. 35-36).

О том же, правда, весьма осторожно, заявляет и И.М. Дьяконов: «...в самом шумерском имеется некоторое количество слов, которые, возможно, не шумерского, но и не семитского происхождения. Поэтому вероятно, шумерскому населению в низовьях Тигра и Евфрата предшествовало какое-то другое» (Дьяконов И.М. Шумерский язык // Языки Древней Передней Азии. Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы. М.:1967, с. 35).

О существовании двух языковых пластов, предшествовавших шумерскому и названных протоевфратским и прототигридским, пишет и шумеролог И. Т. Канева. Она примечает, что пласт прототигридский вырисовывается более определенно, и что его прослеживают в топонимике и ономастике Северного и Южного Двуречья (Канева И.Т.: Шумерский язык. – 2-е изд., доп. и перераб. – СПб.: «Петербургское востоковедение», 2006, с. 6).

Более того, Гельб И.Е., касаясь проблемы возникновения шумерской письменности, полагает, что «...то обстоятельство, что древние месопотамские письменные памятники принадлежали шумерам, само по себе не означает, что они и были подлинными «изобретателями месопотамского письма. На самом деле, как стало особенно ясно в последние годы, наряду с шумерами и, может быть, даже до них Месопотамию населял другой этнический элемент, который за отсутствием лучшего термина я называю «элементом Х». И нельзя полностью исключить, что именно этот «элемент Х», а не шумеры, мог впервые ввести то письмо, которое позже стало известно как шумерское» (Гельб И.Е. Опыт изучения письма. (Основы грамматики). М.:1982. С. 70).

Обстоятельную характеристику первым поселенцам Месопотамии дал В. М. Массон (Массон В.М. Первые земледельцы Месопотамии (К проблеме происхождения) // ВДИ №3(117), 1971, с. 3-14).

Весьма вероятно, что и египетское название папируса (греческая форма написания египетского слова с соответствующим этому языку окончанием *-us*) имеет связь с шумерским *dub* (*dippru*, *tuppru*) и нахским *tonnap*=*nonnap*.

Мощный скачок в развитии древнеегипетского общества происходит с началом II додинастического периода (ок. XXXVI – XXXI в.в. до н.э., время археологических культур Нагада II и Нагада III). Появляются ранние города, зарождается письменность. Многие находки этого периода имеют аналогии в культурах Азии. Ряд ученых полагает, что изменения в древнеегипетском обществе этого периода связаны с завоеванием Египта вторгшимся с Востока народом. Есть и те, которые считают, что культурные аналогии – результат интенсивных торговых контактов между Египтом Восточным Средиземноморьем, а через посредство этого региона с более отдаленными странами (Ладынин И.А. и др.: История древнего мира: Восток, Греция, Рим. – М., – Филол. о-во «Слово»; Изд-во «Эксмо», 2004, с. 23).

Вот что по этому вопросу пишет А. Азимов: «К концу Урукского периода, к 3100 г. до н.э. шумеры имели полностью развитый письменный язык – первый в мире... Они [египтяне] позаимствовали идею, но в некоторых отношениях усовершенствовали ее. Они использовали для письма папирус, листы сделанные из волокон речного тростника, которые занимали намного меньше места и с которыми было намного легче работать.

...Египетские символы вырезались на каменных монументах и рисовались на внутренних стенах гробниц. Они сохранились на виду, в то время как покрытые клинописью кирпичи оставались скрытыми под землей. Именно потому долго думали, что египтяне изобрели письменность первыми. Теперь, однако, эта честь возвращена шумерам» (А. Азимов: Ближний Восток. История десяти тысячелетий / Пер. с англ. Верпаховского. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2002, с. 27).

Ряд ученых **предполагает**, что навыки протошумерского (или прототигридского) пикто-графического письма были занесены в Египет переселенцами из Месопотамии. *пронес* - 3
 ... Египте, постепенно смешались с местным населением. Нетрудно заметить, что исконное население Египта обязано пришельцам с Востока очень многим, ибо последние научили их искусству обработки металлов и искусству письма» — пишет Бадж Э. А.У. (Египетская книга мертвых / Пер. с англ. К. Корсакова. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011, с. 14-15).

В научном мире сложилось мнение, что «египетское письмо возникло ...под стимулирующим воздействием шумерского письма». По поводу выяснения происхождения египетского письма Гельб И.Е. пишет: «Всего тридцать или сорок лет тому назад было бы невозможно дать определенный ответ на этот вопрос, но с тех пор наша задача сильно облегчилась благодаря обширному сравнительному материалу, обнаруженному как в Египте, так и в Месопотамии. Новые данные убедительно показывают, что около 3000 г. до н. э., именно в то время, когда было введено египетское письмо, наблюдается сильное месопотамское влияние на египетскую культуру.

...Наконец, необходимо сослаться на еще на последние исследования А. Шарффа, доказавшего, что форма знаков, изображающих предметы, в самых ранних египетских надписях соответствует форме предметов, бывших в употреблении около 3000 г. до н.э. А это, по мнению А. Шарффа, свидетельствует о том, что египетское письмо возникло около 3000 г. до н.э., то есть именно в период, когда влияние Месопотамии было наиболее сильным; тем самым доводы в пользу возникновения египетского письма под месопотамским влиянием получают дополнительное подкрепление» (Гельб И.Е. Опыт изучения письма. (Основы грамматики). М.:1982. с. 206-207).

Мы же полагаем, в силу того, что в природе этой страны не имелся годный для письма сорт глины или был открыт более удобный для письма материал, прежнее название писчего материала было перенесено на новый — тростник (тростник-папирус).

Свои предположения мы обосновываем данными исторического характера, помогающими нам проследить возникновение и пути распространения исследуемого термина, а также исследованиями лингвистов по установлению его этимологии. Выявлено, что посредством греческого языка слово *папар*, *папер* «тростник», «свиток письма» египетского происхождения вошло во многие современные европейские языки, в том числе и славянские. Ср.: лат. *papyrus* (греч.) 1) папирус; 2) бумага из папируса. Отсюда англ. *paper*, нем., франц. *papier* «бумага».

М. Фасмер дает этому слову следующую этимологию: *папегра* «бумага», диал., орл., черн., укр. *папігр* м., *папігра* ж., блр. *папегра*, впервые др.-русс. *поперь* (Сборн. XVI или XVII в.; см. Срезн. II, 1190); ср. также Миккола, «Slavia», 15, 164 и сл. Заимств. через польск. *papier* из нем. *Papier* «бумага», которое через лат. *papyrus* из греч. *πάπυρος*, егип. происхождения (Гофман, Gr. Wb. 253; Брюкнер 394; Литтман 10).

Тот же египетский первоисточник установлен А. Преображенским: русск. *папера*, *паперы*, диал. орл., черн. и др., *бумага*; севск. (оч. употреб.) *паперка бумажка*. мр. *папир*; *папира* ж.; *папирець*, *папирка*; *папирный тж.* белорусс. *папера*, *паперка*. польск. *papier* бумага, документ. чешск. *papír*. — Из польск. В польск. из нем. *papier* тж. [Первоисточник гр. *πάπυρος* *папиросный куст*. Schrader, Reall. 696]. — **п а п и р у с**, Р. папируса, книжн., *растение superius papyrus*; *свиток древнеегипетского письма*; *папар то же*. — Новое заимств. из лат. *papyrus* [гр. *πάπυρος* то же. Об этом Schrader Keall. 61.3]. — *папироса*, Р. папиросы; *табак в бумажной трубочке для курения*; папироска; папиросный. — По всей вероятности, из пол. *papieros*, *papieros то же*. (Ср. ГСл. 248. ДСл. 3* 33). В пол. от *papier* бумага; образовано на подобие исп. *cigarros* (Мн. к *cigarro*). СМ. *папера*, *папирус*.

К египетскому *папер*, а через него к нахскому *топпар*, *поппар* восходит и название финикийского города Библа.

Называя древний Библи Городом Бумаги, И. Фридрих писал: «... Библи являлся являлся одним из древнейших культурных центров Финикии. Однако название его, Библи, вовсе не

так старо, как сам город; оно происходит от греческого «библос» (более древнее «бублос»), «бумага», и присвоено ему самими греками – именно через этот крупный торговый пункт они ввозили бумагу из Египта. Но, поскольку город носил первоначально древнесемитское название Губла (древнеевр. Губал, ныне Джубейл), созвучие Бублос-Губла могло сыграть известную роль при переименовании города» (История письма: Эволюция письменности от Древнего Египта до наших дней / Пер. с немецкого. – М.: Изд-во Эксмо; СПб: Terra Fantastica, 2002, с. 255).

С наименованием этого древнего города так же связано возникновение названий *книга*, *книжка*, *письмо* в греческом языке и отсюда мы имеем и название священного писания христиан Библии. См.: греч. *βιβλος, η*, папирус, эгипетское растение (*Cyperus papyrus* Linn.), из коры или лыка которого готовили канаты, паруса, рогожи и бумагу. – *Βιβλος, η*, кора папируса (см. *βιβλος*). 2) бумага из папируса; книга. *Βιβλιον, το*, уменьш. от *Βιβλος*, книжка, письмо (А.Д. Вейсман: *Греческо-русский словарь. Репринт V-го издания 1899. М.: 1991*).

По-эламски, одному из ныне мертвых языков Передней Азии, *tupri, tuppi-me* означало «надпись», а писец назывался *tepir (menir)*. Элам – горная страна к северо-востоку от Нижней Месопотамии. Эламиты обладали своей письменностью и они, как и шумеры, писали на глине. Шумер и Элам имели давние этнокультурные связи, зарождение письма и его эволюция в обеих странах, до определенного периода, происходила синхронно и аналогично. По сообщению А.А. Вайман, протоэламское письмо, несомненно, было создано самостоятельно, но под непосредственным влиянием поздней протошумерской письменности. Сама же идея письма в двух соседних странах, по мнению А. Фалькенштейна, вряд ли была «найдена дважды» (Вайман А.А. О связи протоэламской письменности с протошумерской // ВДИ №3(121), 1972, с. 124).

Гельб И.Е. по этому поводу пишет: «Как бы то ни было, но применительно к протоэламским надписям говорить о независимом происхождении трудно. Элам находился так близко от Шумера и на протяжении всей своей истории так сильно зависел от своего западного соседа в культурном отношении, что вывод о возникновении протоэламского письма под стимулирующим воздействием шумерского почти неизбежен» (Гельб И.Е. Опыт изучения письма. (Основы грамматики). М.: 1982. С. 205). Дьяконов И.М. также склонен считать, что протоэламское письмо тяготеет к месопотамским письменностям (там же; Комментарии. С. 301).

Начиная с III тысячелетия до н.э. в Эламе устанавливается иероглифическая письменность. Впоследствии, начиная с XXIII в. до н.э., утверждается клинопись шумерского образца, которая применялась вплоть до падения государства Элам. Мы находим, что термин *menir* эламского языка имеет ту же корневую основу, что и шум. *dub (dipri, tupri)* и нахское *toppar=nonpar*. Отсюда, естественно, может возникнуть вопрос, а не является ли заимствованием вышеозначенный термин из протошумерского? Мы постараемся попозже дать ответ на этот вопрос.

Дьяконов И.М. склонен относит среднеэламское *tupri, tuppi-me* «надпись» имеющий тот же корень, что и *menir*, к заимствованиям из аккадского: *tupri, tuppi-me* «надпись» <аккад. *tupri(m)* «таблетка» <шум. *dub* (Дьяконов И.М.: Эламский язык//Языки Древней Передней Азии. Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы. М.: 1967, с. 96).

[*Tuprite (tupri* – надпись, *-te* – суффикс, придающий слову абстрактное значение). По мнению В. Хинца, указанное слово следует перевести как «письменность». Но И. Леви, К.Ниландер, И.М. Дьяконов, И.М. Оранский и П. Лекок указали много контекстов, где *tuprite* имеет значение просто «надпись», «документ» (Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика Древнего Ирана. Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы. М., 1980, с. 267]

По поводу связи протоэламской письменности с протошумерской И.М. Дьяконов писал, что «древнейшие эламские хозяйственные тексты на глиняных плитках («таблетках») написаны особым линейно-иероглифическим, до сих пор не дешифрованным письмом, по типу

очень близким к шумерскому письму эпохи Джемдет-Наср. Однако оно не современно не этим, еще также рисуночным и линейным шумерским письмам, а текстам шумерского раннединастического периода (2700-2400 г.г. до н.э.), когда уже применялась клинопись словесно-слогового типа. Поэтому эламская иероглифика едва ли может быть прямым ответвлением шумерской, хотя ее создатели, несомненно, знали о существовании и, может быть, о принципах шумерской письменности...». А если эламская письменность сложилась и развилась независимо от влияния извне, то, по нашему глубокому убеждению, и в языке должны были возникнуть термины соответствующие характеру письма и материалу, на котором письмена фиксировались. Опять же, вне всякого сомнения, в Эламе должна была сложиться и существовать развитая система школьного образования и связанная с ней терминология. Следовательно, эламский язык должен был обладать устоявшимися терминами такого рода и потребность в их заимствованиях отпадала.

О древности эламской культуры Элизе Реклю писал: «Эламиты обладали очень древней культурой, даже более древней, чем жители Месопотамии, — они населяли занятую ими область еще в те времена, когда долина великих рек едва выдавалась из воды. Потому-то страна их и называлась вавилонянами «древней землей» — Элам.... Они разделяли время на годы, месяцы, недели, дни совершенно так же, как и их соседи, обитатели Месопотамии; наконец, они обладали и сокровищем всех сокровищ письменностью» (Элизе Реклю: Человек и земля. Т. 1. я Первобытный человек — Древняя история. Пер. с франц. П.Ю. Шмидта. С-Петербург, 1908. Типогр. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон. Прачешный пер., 6, с. 399-400).

Как передает Б. Тураев, «...над изучением языка Элама работали Вейсбах, Шейль, Хюзинг, Борк; они различали несколько диалектов и несколько фонетических законов и высказывались определенно за принадлежность эламского языка к кавказской группе. Это же признает и академик Н.Я. Марр...» (Тураев Б.: История Древнего Востока. — Мн.: Харвест, 2002, с. 66).

Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать несколько выводов относительно характера происхождения эламского *tupī, tuppi-te «надпись», тeпир «писец»*: 1) термины принадлежат к исконно эламской лексике (в той же мере, как и протошумерской, т.е. прототигридской; мы исходим из предположений о принадлежности эламского языка к кавказским); 2) заимствованы непосредственно из прототигридского языка или через посредство шумеров.

Первый вывод нам кажется более правдоподобным, так как новые исторические открытия дают нам возможность полагать, что протошумеры и эламиты (протоэламиты) некогда были близкородственным, или даже единым народом. История заселения Нижней Месопотамии вкратце такова. В этой связи историки Ладынин И.А. и Немировский (Ладынин И.А. и др.: История древнего мира: Восток, Греция, Рим. — М., — Филол. о-во «Слово»; Изд-во «Эксмо», 2004, с. 74-75) описывают нам следующую историческую реальность.

Примерно в VIII-VII тыс. до н.э. часть земледельческих и скотоводческих племен, носителей т.н. хассунской и более поздней самаррской археологических культур, спустилась с гор Загроса в Месопотамию. Их зона расселения тяготела к Тигру. В VI тыс. до н.э. носители самаррской традиции продвигаются в Нижнюю Месопотамию и заселяют ее вплоть до Персидского залива, построив здесь первые протогорода.

«Самоназвание сложившейся здесь общности пришельцев с севера было, по-видимому, «су» (в науке закрепилось более позднее название этого народа — субареи). Традиция шумеров сохранила глухие воспоминания о том, что субареи были их предшественниками, а впоследствии — симбиотами.

Нижнемесопотамские субареи создали особую, так называемую убейдскую археологическую культуру (V — начало IV тысячелетия до н.э.). С расселением самих субареев эта культура вскоре распространилась на земли от Центрального Загроса через Верхнюю Месопотамию и Сирию к Средиземному морю, а также на северо-восточную Аравию, включая Бахрейн. Вся эта огромная территория вместе с Нижней Месопотамией составила относительно однород-

ную этнокультурную ойкумену субареев, известную позднее под шумерским названием «Субир» («Пространство су»). Нешумерский и несемитский язык Месопотамии, известный по отдельным терминам именам, встречающимся в шумерских текстах (как было сказано выше, в науке его называют «прототигридным»), надо считать субарейским. Ему принадлежат имена некоторых древнейших месопотамских божеств». Очевидно, что прародина до-шумеров это те же горы Элама, и судя по всему, протоэламиты и до-шумеры один и тот же народ. Это исторический факт в настоящее время имеет не очень много сторонников. Бесспорно, такие заявления нуждаются в комплексном подходе и требуют доказательств таких исторических наук, как компаративистика, археология, антропология и т. п.

Говорить о степени дивергенции языков племен, оставшихся проживать на горах Загроса или покинувших эту область на момент прихода шумеров и в последующую, уже шумерскую эпоху не приходится по случаю малой изученности протошумерского и эламского (вернее, протоэламского) языков. Остается только надеяться, что в будущем этот пробел историками и лингвистами будет восполнен.

Высокого мнения о убейдской культуре поддерживается и Кузищин В. И.: «[убейдская культура] приобрела колоссальный размах и широко распространила в тогдашнем мире свои связи и влияние... Убейдская лексика значительным пластом вошла в язык новой этнической волны – шумеров, которая, видимо, в конце этого периода появились на территории Южной Месопотамии и смешались с уже обитавшим здесь населением» (История Древнего Востока. Под ред. В.И. Кузищина. М., «Высшая школа», 2001, с. 114).

«Формирование единого шумерского этноса на территории Нижней Месопотамии разорвало субарейскую ойкумену на две части: северомесопотамско-загросский регион Субарту и небольшую страну Субар у границ Элама. На рубеже III-II тыс. до н.э. субареев Субарту ассимилировали их северо-восточные соседи хурриты, а приэламские «люди су» слились тогда же с эламитами» (Ладынин И.А. и др.: История древнего мира: Восток, Греция, Рим. – М., – Филол. о-во «Слово»; Изд-во «Эксмо», 2004, с. 75-76).

Не отрицая наличия процессов ассимиляции и слияний этносов, упомянутых автором, мы все-таки полагаем, что в данной ситуации уместнее всего было бы заявлять о процессах, происшедших внутри единой восточнокавказской (нахско-дагестанской) языковой общности.

Видимо, сообразуясь с выводами такого характера, некоторые из историков не склонны разделять субареев и хурритов. «Термин «субарей» рассматривается [одними исследователями] как синоним слова «хуррит» (термин «субарей» встречается преимущественно в аккадских текстах, «хуррит» и т.п. – в хурритских, в том в том числе и аккадоязычных, а также в хеттских, древнееврейских)», – писал И.М. Дьяконов (Дьяконов И.М. Хурритский и урартские языки // Языки Древней Передней Азии. Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы. М.:1967, с. 113). В этом же труде автор говорит, что «... имеются серьезные доводы в пользу родства хурритского и урартского с северо-восточнокавказскими языками, с которыми они, возможно, составляют одну «восточнокавказскую общность» (там же, с. 23). И уже в конце 80-ых годов XX века И.М. Дьяконовым совместно со С.А. Старостиным окончательно приходят к выводу, что близкое родство между хуррито-урартскими и восточнокавказскими языками можно считать установленным (И.М. Дьяконов, С.А. Старостин. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Древний Восток: этнокультурные связи. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1988).

Не разделяют субареев и хурритов и письменные традиции древних народов, считая, что они по сути два названия одного и того же этноса. В этой связи для нас примечательно высказывание немецкого исследователя В. Хинца относительно этнического родства эламитов и людей су: «...Эламиты, по-видимому, имели какие-то общие черты с граничащими на северо-востоке горными племенами луллубеев и так называемыми людьми **su**» (Хинц В.: Государство Элам/Перевод с немецкого Л. Л. Шохиной. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977. Интернет-Ресурс). В этом же источнике дается примечание

редактора, о том, что «возможно, ...племена *su, subari* являются родственными племенами, этнически близкими к эламитами».

В.И. Авдиев также утверждает, что «касситы, луллубеи, эламиты и примыкавшие к ним гуттии принадлежали к исконному населению Передней Азии и были родственны урартам, протохеттам, субарейцам и хурритам. В частности язык эламитов целый ряд ученых и главным образом академик Н. Я. Марр относят к группе яфетических языков (Авдиев В.И. История Древнего Востока. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы, 1948, с. 445).

Однако возвратимся к исходной теме. На персидском языке *tone* (тюрк. *тана*; варианты: *тепе, тюбе, депе* – «зольный холм»; «вершина, бугор, холм») глиняный холм. Этим термином называют глиняные холмы, образовавшиеся в результате длительного накопления остатков древних поселений. Такие *tone* (*tene*) разбросаны по многим областям современного Ирана (Теппе-Мальян, Теппе-Сиялк, Теппе-Яхья и т.п.) и Средней Азии (Алтын-Депе, Намазга-Депе, Фаяз-Теппе, Кара-Теппе и т.п.). Безусловно, данный термин заимствован персами непосредственно из эламского, или скажем, из другого восточнокавказского языка, а тюркоязычными народами Средней Азии из хурритского.

Вполне допустимо, что и другое слово нахского происхождения *ton* (инг. ружье) /// и производное от него *тепча* (пистолет), которым приписывают персидское происхождение, имеет ту же корневую основу, что и шум. *dub* (*durri, turri*) и нахс. *тонпар=поппар*, перс. *tone, теппе* «глина». По аналогии возникновения терминов инг. *тлом* «война» от *тло* «камень», *герз* «оружие» от *гарза* «ком высохшей глины» допустимо предположить, что и *тон* «ружье» возникло посредством слова *тонп-а-р* «глина». Все названные природные материалы были для человека каменного и новокаменного веков подручным оружием.

Исследуемый нами термин, правда, с несколько измененной семантикой присутствует в некоторых нахско-дагестанских языках.

История этого заимствования такова. Древнеиранская сословно кастовая система в сасанидское время (III-VII в.в. н.э.) кроме прочих включала и касту писцов – *дипиран*, которое представляло гражданских чиновников – бюрократию. Во главе их стоял *дипирпат* (*дебир-бед*) – начальник шахской канцелярии (История Ирана. М., Издательство МГУ, 1977, с. 109). Мы предполагаем, что из персидского языка этот термин был заимствован в нахско-дагестанские языки.

В частности, в аварском языке *дебир* (мулла) – это лицо, надзирающее за исполнением религиозных обрядов (Н. Львов: Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени, с. 2 // Сборник сведений о кавказских горцах. Выпуск III. Тифлис. 1970. Репринтное издание 1992. М., МНТПО «Адир»). Современное аварск. *дибир* – 1) сельский мулла; 2) имя личное (Алексеев М.Е., Атаев Б.М. : Аварский язык. Отв. Ред. Магомедханов М.М. М.: Академия, 1997, с. 40). В других источниках – *дибир* это лицо, надзирающее за исполнением норм шариата. В ингушском и чеченском этот термин зафиксирован в форме устаревшего мужского имени Дебир, Дибар (идиома ингушского языка *дибар ди* (букв. «день дибара») и вытекающая отсюда фраза «*дибар ди оттаде дезар хьона*», вероятно, отголосок шамилевского времени, когда нарушение устоев шариата в имамате Дагестана зачастую каралось физическим или иным наказанием; *дибар ди* «день дибара» – по всей видимости, какой-либо определенный день, когда *дибир* претворял наложенные ранее наказания).

Предположительно современное персидское *дафтар* «тетрадь» восходит к *дипиран*, *дипирпат* и имеет ту же корнеоснову, что и среднеэламское *tupī, turri-me; tepir*, которые также в свою очередь имеют эквивалент *dub* в шумерском языке. Замену фонемы [ф] на [n] мы можем приписать влиянию арабского языка, в остальном же изменение слова носит не вполне ясный характер, хотя оно в целом вполне сопоставимо с исследуемыми формами. Следует, однако, учесть и то обстоятельство, что термин *дафтар* имеет несколько другое значение, хоть и принадлежит к области письменной терминологии.

При попытке установить этимологию *дафтар* мы столкнулись с существенным пробелом. Мы не располагаем источником с названием писчего материала на эламском и древнеперсидском языках ввиду недостаточности письменных памятников и малой изученности существующих. Потому несколько источников, косвенно или явно упоминающих о них, представляют для нас важное свидетельство.

✓ Кроме глиняных табличек и папируса народам Востока был известен и другой материал для письма — кожа.

[В параграфе 70 Бехустанской надписи Дарий заявляет: «*Это — моя надпись, [которую] я сделал. [Она] и на арийском [языке] была, и на глиняных табличках, и на коже [... была]*». Соответствующее место эламского варианта переводится: «Я писание (или надпись) другого рода сделал по-арийски, которого прежде не было, и на необожженных глиняных табличках и на коже» (Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика Древнего Ирана. Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы. М., 1980, с. 267.)]

По свидетельству греческого историка V в. до н. э. Ктесия Книдского, который около двух десятков лет прожил во дворце персидского царя Артаксеркса II, кожа в это время издавна употреблялась у персов в качестве писчего материала. Принято считать, что отсюда она под названием *дифтера* (διφθέρα) перешла в Грецию. См. греч.: διφτέρα, η, выделанная шкура, кожа; вооб. все, сделанное из шкуры или кожи: 1) одежда из шкур, тулуп. 2) кожаная сумка, мешок. 3) покрышка шатра из шкур. 4) род пергамента, на котором первоначально писали (А.Д. Вейсман: *Греческо-русский словарь. Репринт V-го издания 1899. М.: 1991*). Вероятно, Ктесий и прав, утверждая о заимствовании персидского термина, так как в греческом лексиконе имеется его эквивалент *δερμα*. См.: греч. *δερμα*, τος, то (δερω) кожа, шкура. б) кожаный мех; *δερματινός*, кожаный. Лексема *δερμα*, в отличие от *дифтера*, имеет прочные этимологические связи почти со всеми индоевропейскими языками и восходит к санскриту и этот немало важный факт дает нам достаточную уверенность относить его к исконной греческой лексике, а *дифтеру* считать заимствованием из персидского. Но при более углубленном изучении вопроса, выясняется, что история этого заимствования имеет сложный и довольно загадочный характер: а именно, Ктесий, сам того не предполагая, по всей видимости, упоминает о вторичном заимствовании этого термина греками.

При изучении более древних крито-микенских письменных памятников, относящихся к концу XIII началу XII в.в. до н.э. выяснилось, что термин *дифтера* уже тогда применялся в микенской Греции и, что особенно важно для нашего исследования, — только в качестве названия писчего материала.

И на Крите, и на материковой части Греции таким основным материалом письма, бесспорно, являлась табличка из глины.

Вполне вероятно, что само понятие *дифтера* было изначально занесено на Крит из Передней Азии, и отсюда вместе с критской письменностью, слово попало на территорию материковой части Греции.

Жизнь Ктесия и крито-микенский период истории Греции, разделяют более полувека сначала так называемых «темных веков» (период общей культурной деградации и в частности утери письменности греками) впоследствии архаического времени, в течение которого Греция возрождалась на новой основе. Древняя письменность окончательно была предана забвению и новая зародилась уже на другой основе, и, что вполне естественно, материал письма также сменился. По всей видимости, термин не сохранился даже в языке ионических греков в Малой Азии, иначе Ктесий, сам выходец из малоазийского города Книда, не приписал бы термин персам. Далее, чтобы не быть голословным, обратимся непосредственно к крито-микенским текстам.

Так, в тексте Un219 крито-микенских надписей, как отмечает Лурье С. Я., «слово *διφθέρα* читается не в списке ремесленников, а в списке должностных лиц. Однако в древнейшем греческом языке слово *διφθέρα* вовсе не означало «кожа», а означало «дощечка», «та-

бличка для письма». У Гесиохия: *διψάρα· δέλτος· οἱ δὲ διφθέρα· διφθέρα· δέρμα ... δέλτος· γραμμάτικον*. «дипсара: дощечка, иначе – дифтера. Дифтера: кожа, дощечка, письмо». Ср. Plut. Aetia Graeca, 2,297A: *χαλκαὶ διφθέραι* «медные дифтеры». Лишь впоследствии, когда стали писать на коже, слово получило значение «кожа» (Лурье С.Я. *Язык и культура микенской Греции*. М., Л.: 1957. С. 349, 368).

Сказанное подтверждается и следующим. Изучение предметов микенского искусства показало, что они восходят к ближневосточным образцам.

Явные параллели между гомеровским и ближневосточным эпосом, между «Теогонией» Гесиода и хуррито-урартскими религиозными воззрениями, свидетельствуют о культурном воздействии на греков со стороны народов Передней Азии.

Согласно Ленцману Я.А. «характер и форма записей в пиловских и кноских текстах находит многие аналогии в различных ближневосточных табличках» и такое мнение особо важно для нашего исследования (Ленцман Я.А. *Рабство в микенской и гомеровской Греции*. М.: 1963. С. 143).

Все вышесказанное свидетельствует о существовании достаточно тесных культурных связей между микенской Грецией и ближневосточным миром, что в конечном итоге не противоречит нашему высказыванию о возможном заимствовании названия писчего материала крито-микенскими греками с востока.

Вопрос же о том, когда и каким народом культурный термин занесен на Крит пока остается невыясненным, хотя версия хуррито-урартского (*алародийского*, по выражению античных авторов) влияния, с нашей точки зрения, является наиболее предпочтительной.

По свидетельству Плиния (XIII, 68), во II в. до н. э. египетские цари, желая поддержать книжное богатство Александрийской библиотеки, нашедшей себе соперницу в лице пергамской, в Малой Азии, запретили вывоз папируса за пределы Египта; тогда в Пергаме обратили внимание на выделку кожи, усовершенствовали древнюю *дифтеру* и пустили ее в оборот под именем *δέρμα, σωματίον*, а позднее, по месту главного производства – *περγαμηνή* (у римлян *membrana*, с IV в. н.э. – *pergamena*). В свою очередь последний термин был заимствован в европейские языки.

[В связи с исследуемой темой, этимология *пергамен(т)а* представляет для нас немалый интерес. См.: *Περγαμον*, то, об. та *περγαμα* = *ακροπολις*, кремль, крепость; об. о Трое: *περγαμα Τροίας*, тап Троиа *περγαμα*, то *Πριάμου περγαμον* крепость Трои, Пергам. – *Περγαμός*, η, 1) эп. Пергам, Троя. 2) город Мизии в Малой Азии (также *Περγαμον*, то). *Περγαμῆνοι*, οἱ, Пергамцы < Таргим – топоним в горной Ингушетии < Таргамос – эпоним кавказских народов (Мровели Леонти. *Жизнь картлийских царей*. Пер. с древнегруз., предисловие и комментарии Г.В. Цула. М.: 1979, с. 21-25)].

В начале XIX в. слово *дифтера* в качестве название болезни вошло в европейскую медицинскую терминологию. Дифтерит – тяжелая заразная, преимущественно детская болезнь, характеризующаяся острым воспалением слизистых оболочек некоторых органов. Укр. дифтерит, дифтерия; блр. дыфтэрыт, дыфтэрыя; болг. дифтерит, дифтерия; с.-хор. дифтерија; чеш. *difterie* польск. *dyfterie*. В русском языке слово дифтерит, как медицинский термин, известно с середины XIX в. Оно заимствовано из западноевропейских языков. Ср. фр. (с 1855 г.) *diphtherie* (старшая форма *diphtherite* известна с 1821 г.); нем. *diphtheritis*, *diphtherie*; англ. *diphtheria*; ит. *difterite* и др. Позднее образование от греческого *дифтера* – «снятая кожа», «пергамент». Ср. у Михельсона 1865 г., 202: *дифтера* – «пергамент» (Черных П.Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. т. I. М., Изд-во «Русский язык», 1999).

Из персидского языка термин *дафтар* был заимствован другими народами Азии и Восточной Европы. Это заимствование в основном обусловлено долгими контактами персидского языка с тюркскими языками, посредством которых термин получил дальнейшее распространение.

Некогда термин *дафтар* был в употреблении и в русском языке. М. Фасмер считает, что

источником всех этих заимствований является греч. διφτερα. См.: русск. *дефтер*, *девтер* «ханская налоговая грамота, счетная книга», часто в XIV-XV в.в. Заимствован из тур., азерб. *daftar* «реестр, счетная книга» (также араб., перс.), источником которых является греч. διφτερα «кожа, книга, акт, грамота» (Фасмер М.: *Этимологический словарь русского языка // В четырех томах. Т. I. Пер. с немецкого и дополнение члена-корреспондента АН СССР О.Н. Трубачева. Издание второе, стереотипное. М.: Прогресс, 1987*).

В других языках: *daftar*, тадж. тетрадь; узбек. тетрадь; книга, книжка (для каких-либо записей); сочинение. Казах. *дэптер* «тетрадь». *Алтан дэбтэр* – «Золотая книга» монголоязычный исторический источник эпохи монгольской империи; *Алтан тобчи* – (букв. «Золотое сказание»), летопись, написанная монгольской ламой китайского происхождения – Лубсан Данзаном.

К ахеменидскому времени (VII-IV в.в. до н.э.) относится и заимствование многих древнеиранских слов санскритом. Среди прочих терминов из различных областей лексики в связи с нашим исследованием особый интерес представляет санскритское *dipi* – «письмо», восходящее к эламскому и шумерскому эквивалентам (Дандамаев М.А., Луконин В.Г. *Культура и экономика Древнего Ирана. Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы. М., 1980 с. 285*).

Лексическое и семантическое тождество перс. *дафтар* и инг. *тентар* «устар. журнал, книга (для каких-либо записей)» явное. Оба термина имеют одну и ту же корнеоснову и восходят к их шумерскому и эламскому эквивалентам. Однако довольно затруднительно сделать какое-либо определенное заявление по поводу того, относится ли *тентар* к исконной лексике ингушского языка или он все-таки результат так называемого обратного заимствования из персидского. Учитывая наличие архаического пласта в ингушском языке, первая версия представляется нам более достоверной.

Касаясь злободневной темы о так называемых языковых заимствованиях в кавказских языках, в частности персизмов, уместно напомнить тот факт, что изначально индоевропейцы в целом, впоследствии и ираноязычные по отношению к иберийско-кавказским языкам явились заимствующей стороной (и даже не в одну эпоху). Кочевые племена ираноязычных, появившиеся в X-IX в.в. на Иранском нагорье и обосновавшиеся в небольшой области, названной Парс (от *pars-*, *parsav-* – «бок», «ребро» со значением окраина, край, по И.М. Дьяконову), т. е. «окраинная земля», от которого и происходит их племенное название, на протяжении примерно трех веков сами являлись составной частью Элама. Кроме Парса-Персии, лежавшей при Загросе, между Мидией и Эламом (ее население вошло в историю под названием персов), древние источники упоминают и другие области с таким же названием: Парсуа в долине р. Диала, Парта-Парфия в предгорьях Копетдага (Ладынин И. А. и др.: *История древнего мира: Восток, Греция, Рим. М., 2004. С. 147*).

Сегодня Парс – это историческая область Ирана, которое носит арабизированное название Фарс. По поводу исследований Э. А. Грантовского по установлению этимологии топонимических терминов с основой *pars-* (Иранские имена из приурмийского района в IX-VIII в.в. до н.э., – «Древний мир. Сборник в честь акад. В.В. Струве», М., 1962; Древнеиранское этническое название *Parsava* – *Parsa*, – «Краткие сообщения Института народов Азии», XXX, Иран, Турция, М., 1961, с. 5 и сл.) И.М. Дьяконов писал: «...Не берясь оспаривать этого материала, я все же хотел бы привлечь внимание к трем вопросам, недостаточно разъясненным Э.А. Грантовским: 1) почему, если термин *Parsava*, *Parsa* искони являлся самоназванием персов, а не топонимическим названием, перенесенным также на обитающее здесь население, термин этот принадлежит не юго-западному (персидскому) диалекту иранского, а северо-западному (мидийскому), или же северо-восточному? По-персидски он должен был бы звучать *Parθava*, *Parθa*; 2) почему все топонимы и этнонимы, образованные от основы *pars-*, *parsav-*, относятся к окраинам районам Иранского нагорья? 3) почему, если еще в IX-VIII в.в. до н.э. персидские племена находились в Южном Азербайджане, область на крайнем юго-востоке Элама уже

бытный человек – Древняя история. Пер. с франц. П.Ю. Шмидта. С-Петербург, 1908. Типогр. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, Прачешный пер., 6. Т. 1, с. 342, 344). Разумеется, речь идет о процессах, происшедших задолго до прихода в эту область ираноариев.

Напомним читателю, что в начальный период персидского государства царские документы составлялись на эламском языке с применением эламской клинописи, и уже только впоследствии они стали дву- и трехязычными.

В последующие времена эламские писцы *тепирь* явились составителями алфавита для древнеперсидского языка.

Взаимопроникновение эламской и персидской культур обусловило освоение языков друг друга. Историки отмечают, что «по крайней мере, в ряде областей эламиты достаточно свободно говорили по-древнеперсидски... Наряду с этим многие персы знали эламский язык и могли без переводчиков общаться с эламитами» (Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика Древнего Ирана. Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы. М., 1980, с. 282).

Присущее древним знание нескольких языков, или, скажем, полиглотизм, как нельзя лучше отображается в шумерском «Гимне Шульги»: «...при осаде крепости в Эламе я легко понимаю, что говорит их представитель. По рождению я сын Шумера, герой, герой Шумера. В-третьих, я могу вести разговор с человеком из черной страны (Мелуххи). В-четвертых, я могу быть переводчиком аморея, человека гор... сам могу исправлять искаженные слова в его языке. В-пятых, когда вопит человек Субира... я могу разбирать слова в его языке...» (Архипов И.С. Топоним «Субир/Субарту» в Месопотамии III- первой половины II тыс. до н.э.// ВДИ, №4(243), 2002, с. 89).

Миграция культурных терминов зачастую носит одновременно сложный, загадочный и непредсказуемый характер. А ведь история нашего термина, наверняка, началась с очень простой и обыденной вещи. Мы с вами можем только лишь предполагать, что изначально, где-то в долине рек Тигра и Евфрата, некий безвестный пастух или земледелец, взяв сырую глину в руки (а она здесь всегда была под рукой), слегка помяв ее в руках, и кое-как выровняв поверхность, дабы не забыть счет, острым предметом нанес на нее сверху контурные изображения нескольких овец или сосудов с зерном и тем самым действием положил начало письменности у человечества. Человек этот никак не мог предугадать, какое продолжение получит его действие и, тем более, свою причастность к зарождению письменности. Но шаг им сделанный, как видим, оказался очень разумным.

В толковом словаре русского языка мы находим, что слово *папка* это: 1) род загибающейся с краёв обложки, в которую вкладываются бумаги, рисунки; папка для дел: картонная, кожаная папка; папка с завязками. По истечении почти шести тысяч лет, пройдя через языки многих народов и став неотъемлемой частью их лексикона, слово *тонпар*, *понпар* «глина» сегодня возвратилось обратно в обиходную лексику нашего языка в виде самого обыденного названия той самой папки. Сложная и превратная судьба этого слова оказалась, как мы убедились, на многие тысячелетия неразрывно связанной с письменной культурой многих и многих народов мира.

Примечание:

1. Канева И.Т.: Шумерский язык. – 2-е изд., доп. и перераб. – СПб.: «Петербургское востоковедение», 2006.

2. Дьяконов И.М.: Языки Древней Передней Азии. Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы. М.: 1967.

3. Фридрих И.: Дешифровка забытых письменностей и языков. Под общ. ред. И.М. Дьяконова. – М.: «Иностранная литература», 1961.

4. Фридрих И.: История письма. Вступительная статья и комм. И.М. Дьяконова. — М.: «Наука», 1979.
5. Крамер С.: История начинается в Шумере. М.: «Наука» Главная редакция восточной литературы, 1991.
6. Крамер С.: Шумеры. Первая цивилизация на Земле / Пер. с англ. А.В. Милосердовой. — М.: ЗАО Центрополиграф, 2002.
7. Когда Ану сотворил небо. Литература древней Месопотамии / Пер. с аккад. Сост. В.К. Афанасьевой и И.М. Дьяконова. — М.: Алетея, 2000.
8. Оппенгейм А. Лео: Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. Изд. 2-е, испр. и доп. Пер. с англ. М. Н. Ботвинника. Послесл. М. А. Дандамаева. — М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990.
9. Белицкий М.: Шумеры. Забытый мир. Издательство «Вече». М., 2000.
10. Кьера Э.: Они писали на глине. М., «Наука», 1984. Интернет-ресурс.
11. <http://www.erlang.com.ru/euskara/?sumer-verb>. Интернет ресурс.
12. Шумерский язык /Глаголы/ Номинализация глаголов. <http://www.erlang.com.ru/euskara/?sumer-verb>. Интернет-ресурс.
13. История письма: Эволюция письменности от Древнего Египта до наших дней / Пер. с немецкого. — М.: Изд-во Эксмо; СПб: Terra Fantastica, 2002.
13. Хайров Б., Евлоев Я.: Нахи: Предки и наследники шумеров. — Смоленск, 2005.
14. Фасмер М.: Этимологический словарь русского языка // В четырех томах. Пер. с немецкого и дополнение члена-корреспондента АН СССР О.Н. Трубачева. Издание второе, стереотипное. М.: Прогресс, 1987.
15. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. Составитель А. Преображенский, заслуженный преподаватель Московской 4-гимназии. Т. 2. М.: Типография Г. Лессингера и Д. Совко. 1910-1914.
16. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. т. I. М., Изд-во «Русский язык», 1999.
17. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
18. Дешериев Ю.Д.: Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских языков. — Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1963.
19. Ингушско-русский словарь. Авторы: А.И. Бекова, У.Б. Дударов, Ф.М. Илиева и др. — Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009.
20. Чеченско-русский словарь. Сост. Мациев А.Г. — М., 2000.
21. Халидов А.И.: Очерки истории и типологии нахских языков. — Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008.
22. Алексеев М.Е., Атаев Б.М. : Аварский язык. Отв. Ред. Магомедханов М.М. М.: Академия, 1997.
23. Языки мира. Кавказские языки. М.: Akademia, 2001.
24. Вейсман А.Д.: Греческо-русский словарь. Репринт V-го издания 1899. М.: 1991
25. Тураев Б.: История Древнего Востока. — Мн.: Харвест, 2002.
26. Проф. Боголюбовский С.Н.: Происхождение и преобразование домашних животных. Государственное издательство «Советская наука». М., 1959.
27. Всемирная история: в 24 т. Т. 1. Каменный век / А.Н. Бадак, И.Е. Вонич и др. — Мн.: Харвест; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000.
28. Хинц В.: Государство Элам // Перевод с немецкого Л.Л. Шохиной. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977.
29. Элизе Реклю: Человек и земля. Т. 1. Первобытный человек — Древняя история. Пер. с франц. П.Ю. Шмидта. С-Петербург, 1908. Типогр. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, Прачешный пер., 6.

30. Ладынин И.А. и др.: История древнего мира: Восток, Греция, Рим. — М., — Филол. о-во «Слово»; Изд-во «Эксмо», 2004
31. История древнего мира. Под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. Изд. 2-е, исправленное. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. Кн. 1. Ранняя древность. Отв. Ред. И.М. Дьяконов.
32. История Древнего Востока. Под ред. В.И. Кузищина. Издание третье, переработанное и дополненное. М.: «Высшая школа», 2001.
33. Древние цивилизации. Под общей ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., «Мысль», 1989.
34. Азимов А.: Ближний Восток. История десяти тысячелетий / Пер. с англ. Верпаховского. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2002.
35. Бадж Э.А.У.: Египетская книга мертвых / Пер. с англ. К.Корсакова. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011.
36. История Ирана. М., Издательство МГУ, 1977.
37. Н. Львов: Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени, с. 2 // Сборник сведений о кавказских горцах. Выпуск III. Тифлис. 1970. Репринтное издание 1992. М., МНТПО «Адир»).
38. Древний Восток: этнокультурные связи. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1988.
39. Авдиев В.И. История Древнего Востока. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы, 1948.
40. Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика Древнего Ирана. Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы. М., 1980.
41. Мровели Леонти. Жизнь Картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа, Дагестана. Пер. с древнегруз., предисловие и комментарии Г.В. Цулая. Изд-во «Наука», М., 1979.
42. Гельб И.Е. Опыт изучения письма. (Основы грамматики). М.: 1982.
43. Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи (указатель) // ВДИ, №1(47), 1954.
44. Лурье С.Я. Язык и культура микенской Греции. М., Л.: 1957.
45. Старостин С.А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Старостин С. А. Труды по языкознанию. М.: 2007.
46. Старостин С.А. Гипотеза о генетических связях сино-тибетских языков с енисейскими и севернокавказскими языками // Старостин С.А. Труды по языкознанию. М.: 2007.
47. Ленцман Я.А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М.:1963.

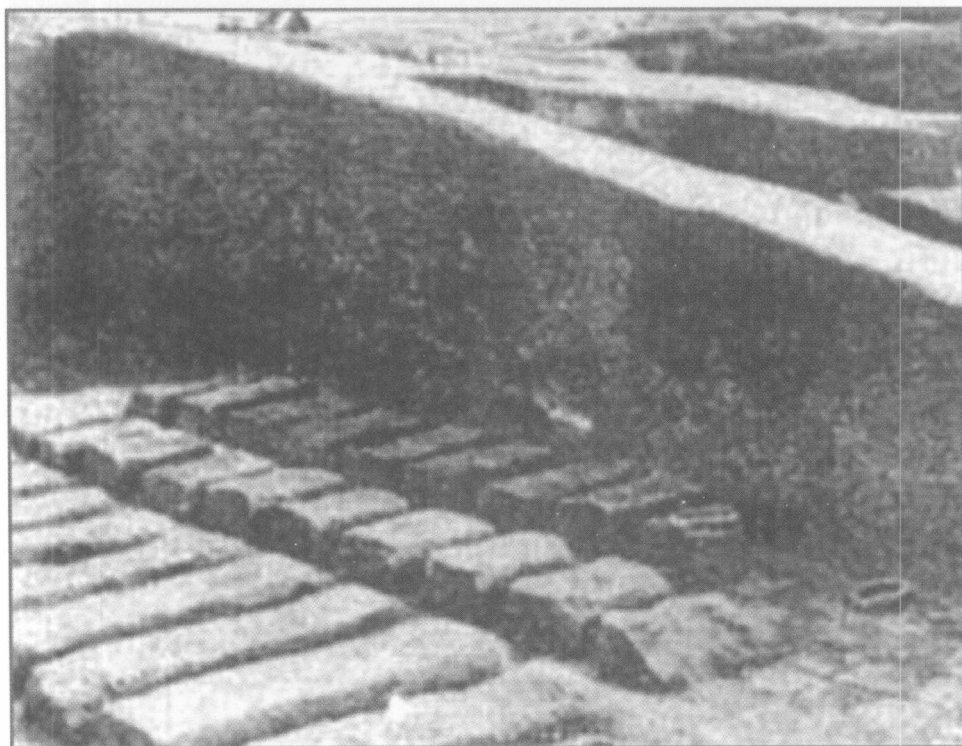

Рис. 1 Шумерская эдубба

Рис. 2. Шумерская глиняная «бухгалтерская табличка». 3200 год до н.э.

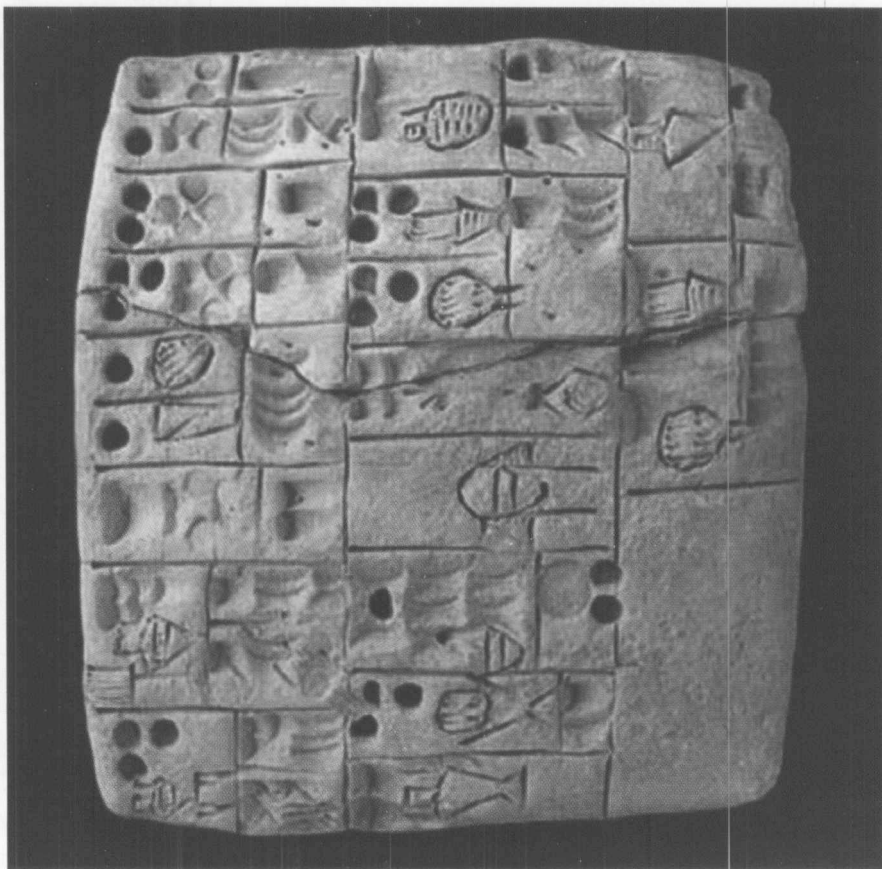

Рис. 3 Табличка с архаической клинописью

Рис. 4. Древнейшая запись музыки для 23 инструментов

Рис. 5. Математические таблички II тыс. до н.э.

в IX в. называлась Parsamas(ш)? Заметим, что знакомство ассирийцев IX в. с Персидой не удивительно: в начале VII в. им была известна Индия (*Sinda*), Испания (*Tarsisu*) и Бактрия (? – письмо NABL, 1240) (И.М. Дьяконов: Эламский язык // Языки Древней Передней Азии. Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, М., 1967, с. 90-91). По всей видимости, Дьяконов И.М. прав, высказывая мысль, что этноним «парса», берет свое происхождение от названия окраинной области Парса (и даже не одной). Вероятно, мы имеем дело с прочной переднеазиатской традицией, и, как мы можем предполагать, именно с хуррито-урартской, обозначать этим именем отдаленные области, провинции. Лексика и семантика этих топонимов, по всей видимости, восходят к нахскому «пхьарс» (предплечие, бок).

Попытка иранистов отнести нахское слово пхьарс «рука», «предплечие (от плеча до пальцев)» [отсюда пхьарсе – в значении боковой области тела, прилегающей к правой или левой руке соответственно] к заимствованию из иранского фарс «бок» была обоснованно опровергнута лингвистами Чечено-Ингушетии.

«С данным положением автора нельзя согласиться. Пхьарс <пхьа исконно вейнахское слово. От пхьа происходит слово пхьоала (**пхьорал**, инг.) – «мастерство»; пхьар – «мастер», пхьалг1а (пхьоале, инг.) – кузница, мастерская; пхьаг1ат – мера длины, равная развернутым в стороны рукам; пхьег1а – посуда, пхьош – рука; пхьа боллуш ву – «за ним удар» – он имеет кровника» (Известия ЧИНИИЯЛ. Т. 1, вып. 2, «Языкознание». Грозный, 1959, с. 112). Следовательно, высказанные нами предположения о нахской этимологии топонима Парса и связанного с ним этнонима, находят свои подтверждения. Как нам известно, к моменту возникновения персидского государства здесь, в эламской области Парса, как и во всей Передней Азии, уже несколько тысяч лет существовали государства высокоразвитой культуры. Если возникновение и становление культуры и государства Элам носит эволюционный характер, то в отличие от этого, Персидская держава изначально освоила и вобрала в себе чуждую ей культуру и социальные институты, а значит, попутно персидский язык неминуемо должен был вобрать в себе и терминологию, связанную с этой культурой. Тому есть немало доказательств, и одно из них – тексты Авесты, которые сложились до прихода ираноариев в древнюю Персиду.

«...В Авесте, священной книге зороастрийцев, нет упоминаний о деньгах, налоговой системе и других развитых социальных понятиях и государственных институтах...

В целом материальная культура Авесты архаична, ибо она не знает железо, городской жизни и крупных государственных образований»

(Древние цивилизации. Под общей ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., Мысль, 1989, с. 150).

Здесь же, на западе и северо-западе Иранского нагорья, в горах Загроса, за многие тысячелетия до упоминаемого времени, предками нахско-дагестанских народов была осуществлена domestикация основных видов животных и растений, что положило начало перехода человека от дикости к цивилизации.

Именно здесь, впервые в истории человечества, сложился один из очагов земледелия и скотоводства, получивший в истории название загросской культурной общности. Именно здесь, в центре Передней Азии, претворился в реальность неумный творческий гений предков кавказских народов и положил начало истории всего человечества.

Известный французский ученый XIX века Элизе Реклю в своем многотомном труде «Человек и Земля» писал: «Может, пожалуй, показаться произвольным то, что мы начинаем описание земли и народов с Ирана. Однако, по некоторым соображениям, начать именно с этой страны вполне логично. Настоящая история началась для нас с иранского плоскогорья, занимающего столь срединное положение на континенте – с него исторические события начали развертываться с одной стороны по направлению к востоку, с другой – по направлению к западу (т. 1, с. 342).

...То, что мы называем «цивилизацией», получило в этой области [Малая Азия и Персия] свою главнейшую исходную точку, – отсюда цивилизация разлилась широкой волной, как на европейский запад, так и на китайский восток (Элизе Реклю: Человек и земля. Т. 1. Перво-